

A movie poster featuring a man and a woman in a Western setting. The man, on the right, is wearing a dark shirt and leather overalls, leaning on a wooden fence. The woman, on the left, is wearing a light-colored button-down shirt and dark pants, standing next to a dark horse. The background shows a sunset over a field with other horses in the distance. The title is at the bottom in large, bold, yellow letters.

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

СТЕПНОЙ МУЖИК ПРОТИВ МОЕГО БЫВШЕГО

Екатерина Мелкова

**Степной мужик
против моего бывшего**

«Автор»

«Автор»

2026

Мелкова Е.

Степной мужик против моего бывшего / Е. Мелкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Кира, ветеринар-реабилитолог, сбегает из Москвы от бывшего жениха, укравшего её диссертацию. В заволжской степи она встречается сурового конезаводчика Дениса. Спасая раненого жеребца, она обретает любовь и дом. Но бывший не оставляет её в покое — он хочет уничтожить завод и Дениса. Смогут ли они вместе противостоять врагу и выстоять на Всероссийском дерби? История о предательстве и страсти, о том, как степной мужик становится защитой от прошлого.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая степь	6
Глава 2. Ночь Бурана	10
Глава 3. Наш огонь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктория Шнайдер

Степной мужик против моего бывшего

Степной мужик против моего бывшего

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Чужая степь

Я тащила чемодан по известняковому грейдеру, переставляя ноги в полуденном пекле Заволжья. Раскаленный воздух над белым известняковым грейдером дрожал маслянистым маревом, растворяя горизонт в белесой слепящей мути. Термометр в старом рейсовом ПАЗике, закипевшем еще тридцать километров назад на развилке у Крутого Яра, перед поломкой показывал плюс тридцать восемь в тени. На открытой колее от белизны ломило глаза. Вокруг расстилалась бескрайняя, выжженная июньским зноем степь, волны седого ковыля, сухой дух полыни и треск цикад, похожий на непрерывный электрический гул.

Я смахнула со лба едкий пот. Тонкая льняная рубашка липла к лопаткам, а пластиковое колесико дорожного чемодана жалобно взвизгивало на кремниевых гольшах, грозя отвалиться. Во фляжке на дне рюкзака оставался глоток теплой воды.

В боковом кармане рюкзака лежали диплом Московской ветеринарной академии с отличием и сертификат спортивного кинезиолога. Последние пять тысяч рублей мятыми сотнями я держала в кармане брюк. С этим я начинала заново после Вадима Барина.

Воспоминание о бывшем женихе отзывалось под ребрами тупой судорогой. Год бессонных ночей в лаборатории, моя выстраданная методика безоперационной реабилитации связок скаковых лошадей — всё это Вадим хладнокровно вписал в свою докторскую, вычеркнув меня из соавторов за неделю до защиты. А когда я попыталась потребовать справедливости, мне указали на дверь, перекрыв доступ во все столичные клиники. «В большом спорте сантиментов не держат, Кирочка, — процедил тогда Барин. — Ты либо играешь по моим правилам, либо твоя карьера закончена».

Закончена? Черта с два. Объявление на форуме: «Требуется врач-реабилитолог на конезавод орловских рысаков. Заволжье, хутор Волчий Яр. Жесткие условия, работа на результат. Волков Д.А.» — стало моим последним билетом в один конец.

Дорога огибала склон балки. Я свернула с раскаленной колеи к зарослям терна, надеясь перевести дух в тени.

И в эту секунду земля под подошвами дробно задрожала.

Из-за изгиба холма донесся тяжелый, пулеметный гул копыт. Воздух впереди вздыбился смерчем пыли, и прямо на меня во весь опор вылетел чудовищных размеров вороной тяжело-воз.

Почти тонна литых мускулов, лоснящихся от мыльной пены, неслась карьером, сметая всё на пути. Обрывок стального троса хлестал коня по груди, вздымая кровавые ссадины. Глаза великана были налиты диким ужасом, а из раздутых ноздрей клочьями летела горячая пена. Жеребец ослеп от боли.

— Назад! — крикнула я себе, бросаясь к насыпи, но сухой гравий пополз под ногами.

Я рухнула на колени, содрав ладони о щебень. Тяжеловоз был в двадцати шагах. В воздухе запахло конским потом, сукровицей и ледяным ужасом. Огромные копыта взметнулись прямо надо мной, заслоняя солнце.

С гребня холма, ломая кустарник, лавиной скатился всадник.

Рыжий сухощавый скакун летел без седла. Человек на его спине сидел как влитой — широкоплечий, мощный, в расстегнутой вылинявшей рубашке с закатанными рукавами. Вместо попытки срезать угол всадник направил коня прямо на меня, тараня траекторию взбесившейся туши.

В долю секунды рыжий поравнялся с насыпью. Всадник свесился вниз. Огромная, покрытая ожогами ладонь с железной силой сомкнулась на моем предплечье.

Рывок был сокрушительной мощи — воздух вышибло из легких. В то же мгновение, когда копыта тяжеловоза впечатались в то место, где только что стоял мой чемодан, превращая его в рваное месиво, меня вздернуло вверх.

Подхватив меня правой рукой, мужчина левой поймал петлю троса и потянул беглеца в сторону от колеи, заставляя сбросить ход. Рыжий присел на задние ноги, а вороной исполин, сдернутый железным рывком, взвился на дыбы над нашими головами, потерял инерцию и рухнул всеми четырьмя копытами в пыль.

— Держись, мать твою! — хриплый рык обжег мне висок.

Меня припечатало спиной к его широкой груди. Мужчина жестко зафиксировал меня поперек талии тяжелой рукой. Сквозь ткань рубашки я всем телом ощущала мощные толчки его сердца. От него пахло полынным дымом, кузнечной окалиной, потом и нагретой кожей.

Я попыталась упереться ладонями в его предплечье, чтобы ослабить железную хватку.

— Не дергайся, баба, — отрезал он, глядя на тяжело дышащего вороного. — Свалишься под копыта — костей не соберу. Сиди смирно.

Рыжий конь пошел вдоль насыпи; усмирленный великан потянулся за ним на тросе. Мои бедра обжигал жар сильных ног всадника. Страх отступал, уступая место незнакомому ощущению глухой, несокрушимой защиты.

Минут через десять открылась широкая долина. За бревенчатым частоколом раскинулась усадьба: длинные лиственничные конюшни, просторные левады, мощеный двор и двухэтажный сруб под вековыми вязами.

Мы влетели в распахнутые дубовые ворота конезавода.

— Матвей, щеколду держи! — рывкнул всадник, осаживая коня.

Из конюшни высыпали люди. Жилистый старик замахнулся березовой слегой на храпящего тяжеловоза, но всадник уже спрыгнул на булыжники, держа меня одной рукой, и ссадил на землю, точно пушинку.

— Слегу брось, Матвей! — прикрикнул он. — Корду на морду накидывай, в третий карантинный его! Овса пока не давать, воду понемногу! И шагайте с ним, пусть остынет!

Мужики увели зверя. Пыль оседала на камни. Мужчина отер ладонью лицо и повернулся ко мне.

Ему было около тридцати пяти. Литое, словно вытесанное из гранита лицо, резкие скулы, перебитая переносица, упрямый рот. В темно-русых волосах блестела ранняя седина, а выцветшие серые глаза полоснули по мне свинцовой тяжестью.

— Откуда свалилась на мою голову, городская? — спросил он, уперев кулаки в бедра. — Жить надоело? Какого лешего по грейдеру пешком шастаешь в такое пекло?

Я расправила плечи, стряхнула пыль с разорванной штанины и заглянула прямо в его стылые глаза:

— Я приехала по объявлению. Ищу управляющего конезаводом, Дениса Волкова.

Мужчина усмехнулся углом рта:

— Нашла. Я Волков. А ты, стало быть, доктор наук из первопрестольной, которого принесло мне в помощь?

Я достала из уцелевшего рюкзака ламинированное удостоверение:

— Соколова Кира Александровна. Ветеринарный врач-реабилитолог. И если ваши тяжеловозы крушат заборы из-за неграмотной фиксации, Денис Алексеевич, то помощь вам нужна была еще позавчера.

Волков прищурился. В глубине серых зрачков мелькнула насмешливая искра, но тут же сменилась тяжелым вниманием. Он окинул взглядом мои сбитые в кровь ладони, пыльное лицо и прямую осанку.

— Гонористая, — бросил он, лишь скользнув взглядом по синей обложке диплома. — Только степь гонора не любит. Здесь красивые бумажки в навоз закапывают. Пошли. Посмотрим, чего стоят твои дипломы. Пациент дожидается. Если до вечера доживет.

В центральной конюшне после пекла царил прохладный полумрак. Пахло дегтем, сухой тимофеевкой, навозом и сладковато-гнилостным духом застойного воспаления.

Денис шагал впереди широким шагом. Из денников высовывались точеные морды рысак, тревожно прядая ушами. В конце прохода, у массивной двери под номером один, стоял краснорожий мужик в замызганном фартуке с толстым шприцем в руке.

— Я тебе, Волков, русским языком толкую! — сирым басом орал он, размахивая иглой перед дедом Матвеем. — У жеребца челночный блок в щепки, сустав раздроблен! Конь не встанет! Акт на падеж подписан. Сейчас усыплю, тушу на мясокостную муку сдадим — хоть двадцать тысяч вернешь. А будешь упрямитесь — Баринов через три дня приедет с приставами и опишет завод под ноль!

— Заткнись, Семён, — глухо бросил Денис, сжимая кулаки до хруста. — Буран — лучший жеребец Заволжья. Кровь Громовержца. Не тебе под нож его пускать.

— Да сдохнет он к утру от гангрены! — взвился ветеринар, шагая в денник. — Я главврач района, закон на моей стороне!

Я протиснулась мимо плеча Волкова и заглянула внутрь.

На слое соломы лежал вороной пятилетний жеребец. Настоящий шедевр орловской породы: сухая голова с щучьим профилем, лебединая шея, мощный круп. Но сейчас великан тяжело дышал, раздувая пепельные ноздри. Правая задняя нога была неестественно вытянута, вокруг скакательного сустава вздулась багровая опухоль величиной с человеческую голову. Конь мелко дрожал от болевого шока, в его влажных глазах стояла немая мольба.

Семён занес иглу над яремной веной жеребца.

— Стоять! — мой голос хлестнул по сумраку, как кнут.

Я сделала два скользящих шага, перехватила мясистое запястье коновала снизу и вдавила большой палец в проекцию лучевого нерва.

Пальцы Семёна рефлексивно разжались. Шприц со звоном полетел на цемент и разбился, выпустив лужицу мутной жижи.

— Ты кто такая, сука столичная?! — взревел коновал, замахиваясь на меня. — Волков, вышвырни девку вон!

— Руки убрал, — ледяным тоном произнес Денис. Его тяжелая ладонь опустилась на плечо ветеринара, и тот осел, скривившись от боли под давлением пальцев кузнеца.

— Стой, Семён, — проскрипел сзади дед Матвей, перегораживая выход черенком вил. — Пущай баба скажет, коли доктором назвалась. Но если сбрешешь, девка... пешком до станции пойдешь.

Скинув рюкзак на солому, я натянула нитриловые перчатки и опустилась на колени перед мордой Бурана.

Жеребец дико скосил глаз, оскалил резцы и глухо захрапел, пытаясь ударить меня затылком.

— Тише, мальчик... Тише, хороший, — заговорила я тихим монотонным полусшепотом. Мои ладони мягко легли на основание его ушей. Я нащупала триггерные зоны блуждающего нерва у яремного желоба и начала глубокий круговой массаж с нарастающим давлением.

Через несколько секунд дрожь гиганта утихла. Напряженные мышцы шеи дрогнули и обмякли. Жеребец шумно выдохнул через ноздри и с тяжелым стоном уронил голову мне на колени.

В конюшне воцарилась тишина. Я услышала прерывистый вдох Дениса.

— Колдунья... — прошептал кто-то из конюхов.

— Физиология, второй курс, — бросила я через плечо. — Рефлекторное торможение. А теперь помолчите.

Я переместилась к поврежденной ноге и достала из рюкзака лазерный угломер, затем планшет с ультразвуковым датчиком. Диагностический комплект я всю дорогу берегла отдельно от чемодана. Горячая кожа над суставом пылала. Пальцы чутко двинулись по тканям, читая анатомическую картину.

— Ну что выпупываешь? — окрысился Семён. — Хруст слышишь? Кость в труху!

— Вы торопитесь с приговором, Семён, — отчеканила я, глядя на экран планшета. — Угол сгибания заблокирован на ста тридцати градусах. Суставная щель — четыре целых и две десятых миллиметра. Абсолютная норма. В доступной проекции костный контур цел. Сейчас причина боли видна в мягких тканях.

Денис опустил рядом со мной на колено:

— А что с ним, Кира? Говори начистоту.

— Спастический подвывих латеральной связки правого скакательного сустава, — твердо сказала я. — Связка соскочила с костного ложа, ущемилась между фасциями и вызвала рефлекторную контрактуру. Отсюда серозно-геморрагический отек. Конь пытается подняться, а спазм снова валит его на солому.

Денис помолчал, глядя на лежащего жеребца:

— Ты сможешь его починить? Если мы отменим убой, а конь не встанет, Баринов через три недели выставит завод на торги. Я потеряю всё. Землю деда, табун, людей.

— Если вправить связку сегодня ночью, утром проверим его шаг, а затем будем прибавлять нагрузку по состоянию, — ответила я, глядя ему в глаза. — К дерби попробуем подготовить его — если сустав выдержит контрольные нагрузки. Я остаюсь и ставлю его на ноги. Но мне нужны полные полномочия. Твое слово, берейтор?

Волков поднялся во весь рост, подошел к побелевшему ветеринару, молча сгреб его фартук на груди, оторвал от пола и одним движением вышвырнул спиной вперед сквозь распашные ворота прямо на мощеный двор.

— Еще раз увижу ближе версты от моих лошадей — руки переломаю и в Иргизе утоплю, — бросил Денис в пыль. Затем захлопнул створку, вытащил из кармана два ключа на кованом кольце и вложил в мою ладонь. — Большой от флигеля, малый от ветеринарной аптеки. Всё в твоём распоряжении, Кира. Завод за тобой. Матвей, Егор — слушать доктора как меня самого.

Холодный металл обжег кожу. Старый табунщик посмотрел на ключи в моей ладони и посторонился, освобождая проход к Бурану. Теперь за его жизнь отвечала я.

Глава 2. Ночь Бурана

Я потянула дверь гостевого флигеля, и ржавый замок скрипнул. Солнце клонилось к закату за усадебным садом.

Старый пятистенник из потемневших от времени лиственничных бревен стоял в окружении вековых вязов. Резное крыльцо почти скрылось в колючих зарослях шиповника и горькой серебристой полыни. Я вставила ключ в массивный навесной замок на входной двери, навалилась плечом, но проржавевшая личинка жалобно скрипнула и намертво заклинила.

— Да чтоб тебя... — выдохнула я, сбив кожу на ладони о шершавый косяк.

Усталость последних суток — душный вагон, тряский автобус, смертельный рывок на грейдере и бешеный адреналин в конюшне — навалилась чугунной плитой. Ноги мелко дрожали. Захотелось просто опуститься на разошедшиеся ступени и разрыдаться от накотившей пустоты и одиночества. Но я стиснула зубы. «Ты не для того сбежала из Москвы, Кира, чтобы раскисать на чужом крыльце». Я достала из волос стальную шпильку, капнула в замочную скважину масла из стоявшей на крыльце жестянки и аккуратно подогнула металл. Два сухих щелчка внутри — и замок с глухим стуком поддался.

Дверь отворилась с протяжным стоном. В лицо пахнуло вековой пылью, сухой древесной и ледяной сыростью нетопленной печи. Я распахнула тяжелые деревянные ставни навстречу теплomu вечернему ветру. В комнату хлынул закатный золотой свет и терпкие ароматы нагретого ковыля и чабреца. Подхватив стоявший в сенях березовый голик, я принялась яростно выметать слежавшийся мусор, прогоняя морок столичных обид.

— Бог в помощь, дочка! — раздался с порога мягкий, певучий женский голос.

Я обернулась. В дверях стояла дородная круглолицая женщина в белоснежном фартуке. В руках она держала глиняную миску, накрытую расшитым рушником, и запотевшую банку парного молока. От миски исходил сводящий с ума дух свежей сдобы, топленого сливочного масла и запеченного творога.

— Я Нюра, здешняя стряпуха, — ласково улыбнулась она, ставя угощение на чисто выскобленный стол. — Гляжу в окно — маятся девчонка одна-одинешенька. На вот, поешь горячих шанег с пылу с жару, молочка парного испей. С лица спала вся, травиночка. А ночью тебе силушка ох как сгодится... Денис-то наш шутить не приучен, коли за дело взялся.

Я отломил кусок нежнейшего, тающего на языке теста. В горле встал ком. Простое человеческое тепло, без яда и подвоха, обожгло сильнее любого упрека.

Нюра опустила на край лавки, оправляя фартук, и тяжело вздохнула:

— Ты уж не серчай на Дениса Алексеевича, коли крут показался. Жизнь его бьет без пощады. Завод этот — родовое гнездо Волковых, четыре колена здесь коней пестовали. А три года назад бывший партнер, городской прохвост, сплутовал на фураже, в карты спустил кассу и продал фальшивые векселя Баринovu. Пятнадцать миллионов долга на хозяйство навесили! Денис день и ночь в кузнице спину ломает, каждую копейку на выкуп бережет. Буран — последняя его надежда. Возьмет конь кубок Поволжья — призовыми покроют проценты, до дерби дотянут. А коли сляжет... всё, пустят завод с молотка.

— Мы не дадим ему лечь, Нюра, — твердо сказала я, глядя в сочувствующие глаза женщины. — Я знаю повадки Баринова. Мы вытащим жеребца.

Широкая тень бесшумно перекрыла дверной проем. На пороге вырос Денис с огромной охапкой березовых поленьев. Скользнув взглядом по чистому полу и моим пыльным пальцам, он молча опустился на одно колено перед печью. Быстро сложил дрова аккуратным колодцем, подсунул полоску бересты и чиркнул спичкой.

Пламя весело загудело в побеленной топке, наполняя избу сухим, живым благодатным жаром. Денис поднялся, вынул складной нож с костяной рукоятью, в два движения подтянул

разболтавшийся засов на двери и приладил на нижнюю кромку косяка полосу мягкой сыромятной кожи, чтобы по полу не тянуло ночным сквозняком.

Я следила за его движениями: засов перестал болтаться, огонь разгорался. От этого простого, хозяйского порядка мне стало легче дышать.

Я подошла к столу, где разложила ампулы новокаина и эластичные бинты, и с досадой прикусила губу: флакон с настойкой сабельника, необходимой для снятия глубокого отека, разбился при падении чемодана на грейдере.

— Что не так? — спросил Волков, обернувшись от двери.

— Сабельник разбился, — вздохнула я. — Нужен сильный растительный противоотечный агент. Без него мобилизация связки вызовет вторичный спазм надкостницы...

Денис молча вышел на крыльцо и через пару минут вернулся, неся тяжелый холщовый мешок.

— Сабельника нет. А вот это сгодится? Дед Матвей вчера с Каменной балки привез.

Он высыпал на чистый рушник пучки темных узловатых корней и охапку пахучих мелких веточек. Я взяла корень, надломил его — воздух наполнился густым огуречно-смолистым духом.

— Живоко́ст! — выдохнула я, поднимая на Дениса сияющие глаза. — Горный окопник! Да он же втрое активнее любого аптечного сабельника, здесь концентрация аллантаина предельная! И дикий чабрец... Денис, это идеальная основа для противовоспалительного компресса!

Волков смотрел на меня сверху вниз. В неровных отблесках печного огня его серые глаза казались глубокими и теплыми. Уголок его рта тронула скупая улыбка:

— Стало быть, пригодилась степная трава городскому доктору?

— Более чем, — прошептала я, чувствуя, как от его взгляда по ключицам разливается горячая волна.

Денис задержался у порога. Снял с пояса тугий пучок серебристой сушеной полыни и повесил его на кованый гвоздь над притолокой:

— От слепней. И от дурного глаза. В полночь жду у чугунного котла на дворе. Отдохни пару часов, Кира. Наберись сил. И... спасибо тебе за Бурана.

Он впервые назвал меня просто по имени. Низкий грудной голос прозвучал так интимно и надежно, что по коже пробежали мурашки. Дверь тихо закрылась. В комнате пахло березовым дымом, свежим караваем и горькой полыню. Я прижала ладонь к груди и поняла: здесь я буду драться до конца.

Полночь накрыла усадьбу куполом бездонного черного неба, усыпанного алмазной пылью звезд. Серебряная полоса Млечного Пути раскинулась прямо над Волчьим Яром.

Посреди мощеного двора жарко пылал сложенный из плитняка очаг. В подвешенном на железной цепи чугунном сорокалитровом котле бурлил густой темно-янтарный отвар окопника и чабреца, наполняя прохладный ночной воздух терпким смолистым паром. Денис стоял у огня в одном тяжелом брезентовом фартуке на голое тело. Литые бугры его плеч и широкой спины лоснились от пота в багровых отблесках пламени. Он размеренно мешал кипящее варево дубовой лопаткой, а молодой светловолосый конюх Егор то и дело подливал в чан ледяную колодезную воду, осаживая пену.

В тишине усадьбы внезапно раздался страшный, глухой удар копыта о бревенчатую стену конюшни, а следом — хриплый, надрывный жеребцовый стон, полный невыносимой муки.

— Пора, — Денис выхватил щипцами длинные холщовые полосы, проваренные в настое, и сбросил их в эмалированный таз. — Егор, бери таз, живо!

Мы быстрым шагом вошли в прохладный сумрак конюшни.

У массивной дубовой двери денника номер один стоял дед Матвей с длинными вилами в руках. Лицо старого табунщика было блее его бороды, руки заметно подрагивали.

— Денис, Христос с тобой, одумайся! — зашептал старик, преграждая путь. — Не пущу девку в денник! Буран на дыбы встает, в перекрытия бьет! Зашибет обоих в щепки, и коня уьем, и сами ляжем!

Денис шагнул вперед, положил тяжелую ладонь на плечо старика и произнес негромко, но с такой несокрушимой, страшной силой:

— Отойди, Матвей. Мы с Кирой Бурана на ноги поставим. Или вместе там останемся. Открывай засов.

Старик судорожно сглотнул, перекрестился и с лязгом отодвинул кованую щеколду.

Дверь распахнулась. В ту же секунду полутонный вороной исполин с яростным ревом взвился на свечу под самые стропила. Белки глаз Бурана прорезали красные сосуды, оскаленные зубы рвали воздух, а передние кованые копыта со страшным свистом полоснули в считанных сантиметрах от дверного проема, выбивая щепу из векового бруса.

— Кира, снизу заходи! — крикнул Денис.

Слитным, хищным броском Волков шагнул прямо под копыта взлетающей живой горы мускулов. Его мощные руки взметнулись вверх и намертво вцепились в толстый кожаный чомбур у самого храпа коня. Жеребец взревел, пытаясь сбросить человека, но Денис повис на его шее всем своим весом, перехватил челюсть зверя железным захватом предплечья и со страшным мышечным усилием потянул голову Бурана вниз, вдавливая ее в край кормушки. Вены на шее берейтора вздулись темными канатами, зубы сжались до скрежета.

— Держу! Больше минуты не устою! Работай!

Я бросилась вперед, скользнув по соломе на коленях прямо под правый бок бьющегося гиганта. Огромное заднее копыто Бурана в судорожном толчке просвистело у самого моего виска, обдав щеку горячим ветром. Еще полдюйма — и удар раздробил бы мне череп.

— Спокойно, мальчик... — выдохнула я сквозь зубы.

На резком выдохе, вложив весь вес своего тела, я нанесла короткий удар ребром ладони точно в подколенную ямку жеребца — прямо в сухожильное веретено Гольджи.

Высшая техника мануальной кинезиологии сработала безотказно. Мышцы наконец уступили давлению; я почувствовала, как нога поддалась. Каменные мышцы бедра разом потеряли тонус, и больная нога Бурана на три драгоценные секунды повисла в моих руках, как плеть.

— Егор, компресс! — крикнула я.

Конюх мгновенно сунул мне горячую холщовую ленту. Обернув пылающий сустав остуженной до терпимого тепла тканью с окопником, после заранее выполненной блокады, я уперлась правым плечом в седалищный бугор коня. Мои пальцы намертво зафиксировали дистальный конец голени и пяточную кость.

— Денис, держи противоупор! Выше челюсть!

Тракция — мощная, плавная вытяжка сустава строго по оси конечности... Внутренняя ротация стопы на двенадцать градусов... И резкий, взрывной толчок корпусом вперед!

В тишине денника раздался отчетливый, сухой костный звук.

Щёлк. Словно массивная дубовая деталь встала в свой природный паз. Защемленный валик связки соскользнул с костного гребня и идеально лег в анатомическое ложе.

Буран глубоко, протяжно вздрогнул. Из его легких с тихим свистом вырвался длинный, освобождающий стон. Глаза коня медленно прикрылись, дыхание выровнялось. Каменная судорога в суставе наконец отпустила, сменившись ровной, мягкой пульсацией здоровой ткани. Буран тяжело переступил передними ногами и опустил голову к моему плечу.

Денис медленно разжал одеревеневшие пальцы, тяжело и шумно хватая ртом воздух. По его лицу и голой груди струился пот, смешанный с конской пеной. Он посмотрел на расслабленный сустав Бурана, затем перевел взгляд на меня — стоящую на коленях посреди раскиданной соломы, с перепачканными в мази и травах руками.

В его выцветших серых глазах горело благоговейное, почти молитвенное мужское потрясение. Он улыбался мне, всё еще хватая воздух после схватки.

Он шагнул ко мне, бережно подхватил под локти своими огромными ладонями и одним легким движением поднял с пола, прижав к своей пылающей, мокрой груди.

— Ты сделала это... — хрипло, прерывисто прошептал он мне в самые губы. — Кира... Ты великий мастер. Ты сотворила невозможное.

Всё напряжение последних суток разом отпустило меня. Ноги подкосились, и я бессильно уткнулась лицом в его горячее плечо, чувствуя, как по щекам катятся теплые, неудержимые слезы облегчения. Денис крепко, бережно обнял меня за талию, баюкая в кольце своих сильных рук и закрывая от всего мира.

— Денис... Посмотри на него, — прошептала я, сквозь слезы поднимая глаза.

Вороной богатырь зашевелился. После нашей схватки он щадил больную ногу, но теперь осторожно перенес на нее вес. Опираясь на все четыре ноги! Больное копыто стояло твердо, неся полную нагрузку.

Буран сделал медленный, пружинистый шаг вперед и мягко, благодарно уткнулся бархатым, теплым храпом прямо в мою испачканную мазью ладонь, шумно обдувая пальцы горячим воздухом.

Денис счастливо улыбнулся и распахнул широкие двустворчатые ворота денника, ведущие прямо в залитую лунным серебром левладу. Под куполом мерцающих звезд Буран гордо и легко зашагал по росистой траве — свободный, целый, непобежденный.

На пороге конюшни стояли дед Матвей, Егор и сбежавшиеся со всей усадьбы табунщики. Старый Матвей медленно стянул с седой головы кепку, прижал ее к груди и низко, до земли поклонился мне. Следом за ним молча обнажили головы и остальные мужики.

Денис подошел ко мне на залитом лунным светом крыльце. Взял мою тонкую, дрожащую ладонь в свои мозолистые пальцы, медленно поднес к губам и запечатлел на ней долгий, обжигающий поцелуй.

— Ты спасла Бурана, Кира. Спасла нас всех, — негромко, так, чтобы слышала вся усадьба, произнес он. — С этой ночи ты здесь полноправная хозяйка.

Его губы обжигали кожу, посылая по венам горячие, пьянящие волны чистого счастья. Ночная степь дышала вокруг нас великим, благословенным покоем. Мы победили.

Денис чуть сжал мою руку и тихо добавил, глядя мне прямо в глаза:

— Завтра на рассвете жду тебя в кузнице. Я покажу тебе огонь, Кира.

Я легла, а за окном еще мерцал фонарь конюшни. Утром предстояло проверить, удержится ли наша победа.

Глава 3. Наш огонь

Я проснулась от звона.

Гулкий, глубокий перезвон тяжелого молота о стальную наковальню плыл через сад. Дзынь... дзынь... дзынь... Я лежала и слушала его размеренный ритм.

Сквозь щели ставней пробивались золотисто-розовые лучи. В воздухе флигеля пахло сухой полынью от подвешенного Денисом пучка, печным теплом и свежестью реки Иргиз. Тело сладко ломило после ночного безумия в деннике, но внутри звенела прозрачная легкость.

«Буран!» — обожгла мысль. Вдруг отек вернулся?

Я натянула полотняную рубашку, влезла в джинсы и выбежала на крыльцо. Роса на траве блестела серебром. Свежий ветерок пахнул в лицо речной прохладой.

В конюшне царил мирный полумрак. У двери денника номер один я затаила дыхание и заглянула внутрь.

Вороной пятилетний исполин стоял у яслей, гордо вскинув точеную голову. Завидев меня, Буран издал тихое радостное ржание, сделал два свободных шага навстречу и доверчиво вытянул шею, уткнувшись мягким теплым храпом прямо в мою ладонь.

— Здравствуй, мальчик... — выдохнула я, чувствуя, как защипало глаза.

Опустившись на колени, я провела пальцами по правому скакательному суставу. Жар ушел. Кожа была прохладной, отек спал больше чем на две трети, а суставная щель сохраняла анатомическую подвижность. Я осторожно согнула конечность, и Буран дал закончить осмотр.

— Проверим на ходу, доктор? — раздался сзади знакомый низкий голос.

Денис стоял в проходе с легкой кордой в руках. В свете утреннего солнца его серые глаза казались ясными. На широких плечах лежала чистая льняная косоворотка.

Мы вывели Бурана на круглый песчаный манеж. У изгороди уже стоял дед Матвей, насто-роженно прищурившись: старик ждал подвоха.

— Посылай, Кира, — тихо скомандовал Денис.

— Пошел, родной. Шагом! А теперь короткую рысь!

Буран взмахнул вороной гривой и пошел по кругу. Все шире, мощнее, свободнее! Задняя правая нога выносилась идеально симметрично левой, с упругой пружинистой оттяжкой. Чистейшая орловская размашка!

— Гляди-ка... — ошарашенно выдохнул старый Матвей, роняя папиросу. — Чисто идет! Как по струне!

Буран игриво взбрыкнул задними копытами, взметнув песок. Денис издал короткий мягкий свист — и конь мгновенно опустил круп, плавно затормозил и послушно замер у моего плеча.

Волков шагнул на манеж и открыто улыбнулся:

— Чудо твоих рук, Кира. А теперь — шагом марш на террасу. Нюра самовар поставила. Я смущенно взглянула на свои пыльные джинсы:

— Денис, надо переодеться, умыться...

Он мягко перехватил меня за локоть, обжигая кожу уверенным теплом:

— В степи не по платью судят, а по делам. А твои руки нам жизнь вернули. Пойдем.

На резной террасе пыхтел пузатый медный самовар. В крынках белело парное молоко и густые сливки, на блюде возвышалась горка румяных шанег с творогом, истекающих топленым маслом, и вазочка с янтарным донниковым медом.

— Садись, доченька! — захлопотала кухарка Нюра. — Поешь сытно, силушка в степи первое ума нужна.

Я откусила горячую шаньгу, запила чаем с душистым чабрецом — и по телу разлилась сытая истома. Здесь всё дышало подлинной жизнью.

Денис сидел напротив и следил, как я берусь за чашку. Вдруг его брови сдвинулись:
— Руку покажи.

Он перегнулся через стол, взял мою правую ладонь и бережно развернул вверх. На коже белели ссадины после грейдера и ночной работы. Денис достал из кармана глиняный тигель с барсучьим жиром и зверобоем. Обмакнув палец в бальзам, он принялся медленно, с затаенной нежностью втирать мазь в мои сбитые суставы.

Его пальцы были шершавыми, но касались они меня так трепетно, что перехватило дыхание. Сердце заколотилось у самого горла. Я смотрела на его сосредоточенное лицо и чувствовала, как рушится моя внутренняя броня.

— Заводскаяковка Бурану больше не годится, — тихо произнес он, проводя большим пальцем по краю моей ладони. — Нужна облегченная подкова со скошенным зацепом. Чертежи есть?

— Скос три градуса кнаружи, — ответила я, боясь шелохнуться.

Денис поднял глаза, и в их серой глубине вспыхнул огонь:

— Вот и ладно. Допивай чай, Кира. Пойдешь со мной в кузницу. Будем учить железо ходить под твою науку.

Кузница Волковых стояла на отшибе, сложенная из толстенных мореных бревен. Внутри царил сумрак, рассекаемый слепящим, бело-оранжевым оком пылающего горна. Воздух гудел от принудительного поддува мехов, пахло окалиной, березовым углем, машинным маслом и каленой сталью.

Денис стоял у огня. Он уже скинул рубаху, оставшись в одном тяжелом кожаном фартуке на голое тело. Литые бугры мышц на его широкой спине и мощных плечах перекачивались при каждом движении, покрытые блестящей пленкой пота.

При виде его полуобнаженного богатырского торса краска бросилась мне в лицо. Я поспешно раскрыла блокнот, пряча смущение:

— Вот замеры. Если уменьшить вес ветви подковы на восемнадцать процентов и задать скос зацепа, зацеп пройдет мимо бабки при махе...

Денис повернулся. Окинул меня оценивающим взглядом, снял со стены второй фартук — брезентовый, чистый — и шагнул навстречу:

— Повернись.

Я замерла. Он накинул петлю фартука мне на шею, зашел со спины и перехватил тесемки на моей талии. Его руки мимолетно коснулись моих боков, и по телу словно пробежал электрический разряд. Завязав крепкий узел, Денис протянул мне рукавицы из грубой сыромятной кожи и длинные кузнечные клещи:

— Бери заготовку из углей. Хватит в блокнотах сидеть, доктор. Пора руками железо щупать.

Я взяла клещи, нащупала в горне раскаленный до вишневого свечения стальной брусок и потянула на себя. Но тяжесть рычага оказалась неожиданной для моих кистей — рука дрогнула, и пылающая заготовка с шипением сорвалась в чан с закалочной водой. Вверх взметнулся яростный сноп белого пара и кипящих брызг.

— Осторожно! — Денис среагировал мгновенно.

Он шагнул вперед, закрыв меня своим телом от кипятка, и намертво перехватил мои запястья. Моя спина оказалась впечатана в его горячую, голую грудь. Я ощутила каждый мускул его пресса, бешеный жар его кожи и тяжелое, горячее дыхание над самым ухом. От него пахло железом, ветром и первобытной мужской силой.

— Не спеши, Кира, — его голос прозвучал глухо, с легкой хрипотцой, опалая мне висок. — Металл спешки не терпит. Он как конь: силу чувствует, а страх наказывает.

Я осталась у него под рукой. Достав клещами новую полосу из горна, Волков положил ее на зеркало массивной наковальни. Затем вложил в мою правую руку малый кузнечный ручник, а сверху накрыл мою ладонь своей огромной, раскаленной рукой.

— Смотри на цвет, — прошептал он, прижимаясь ко мне вплотную. Его левая рука легла на мое бедро, направляя баланс тела. — Бей в ритм моего выдоха. Раз... два...

Дзынь! Дзынь! Звон стали отозвался во всем моем теле. Мы двигались в едином, неистовом ритме: выдох Дениса — мой удар, подправленный его железной кистью. Раскаленная полоса под нашими совместными ударами оживала, послушно изгибаясь в изящную, анатомически безупречную дугу. Я ловила его выдох и подавалась вслед за ним; каждый удар отзывался теплом у меня под ребрами.

Когда полоса начала темнеть, Денис ногой нажал на педаль мехов. Пламя взревело, озарив его сосредоточенное, прекрасное лицо. Он вернул металл в жар на пару секунд, довел до рабочего вишневого свечения, а затем тяжелым зубилом выбил на наружной ветви подковы свое клеймо — оскаленный профиль степного волка.

Шипение масла в закалочном баке поставило точку. На верстаке лежала совершенная облегченная подкова — легкая, прочная, с идеальным скосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.